

Фонарь со светляками висел на самом кончике колючей ветви терновника. Из-за безветрия он оставался совершенно неподвижен. Тихий желтый свет ложился на бронзовую стелу, освещая покрытые ржавчиной, полустертые и неразборчивые письма.

На самом деле из земли выступала лишь половина этой стелы. Слой земли, некогда присыпавший лишь ее основание, за долгие годы стал толще и постепенно скрыл под собой всю нижнюю часть.

Шаги Кевина были неторопливыми и бесшумными. Подойдя к стеле, он присел на корточки и принялся раскапывать землю длинными тонкими пальцами. Вскоре он отгреб в сторону рыхлую почву, обнажив скрытую половину.

Проведя долгие годы в сырой земле, эта часть стелы пострадала от ржавчины гораздо сильнее верхней. Мелкие знаки давно стерлись, и уцелели лишь несколько глубоких борозд, расходящихся от центра извилистыми линиями, похожими на очертания дорог на карте.

Кевин некоторое время всматривался в эти извилистые борозды, затем снял с пояса кинжал и полоснул им по кончикам всех пяти пальцев левой руки.

Чтобы раны не затянулись слишком быстро, он резал глубоко. Капли крови сплошной чередой посыпались на сырую землю.

Боль в пальцах была куда более острой, чем в любой другой части тела, но Кевин лишь слегка нахмурился и вновь принял свой обычный невозмутимый вид. Он прижал левую ладонь к стеле. Та словно ожила: алая кровь, будто впитываясь силой, стремительно потекла по бороздам и в мгновение ока опутала всю поверхность багровой паутиной.

Покрытая ржавчиной бронзовая стела внезапно вспыхнула алым, словно ее только что достали из плавильной печи. От нее посыпались искры; коснувшись зарослей терновника, они с оглушительным гулом вспыхнули.

Пламя мгновенно взметнулось вверх. Весь терновник оказался объят золотисто-красными языками огня, который стремительно распространялся во все стороны, превращая заросли в бушующее огненное море.

Сквозь треск пожара доносились глухие рыки хищников и пронзительные крики птиц — то отдаляясь, то приближаясь, словно эхо с самого дна преисподней.

Кевин с бесстрастным лицом стоял перед стеной огня. Неистовые языки пламени плясали у самого его лица, но он даже глазом не моргнул.

Он смотрел сквозь пламя.

И только когда в темноте за этой пеленой багрового огня раздался тяжелый скрежет камня о металл, Кевин перевел взгляд. Дверь в гробницу открылась.

Должно быть, эта дверь оставалась запечатанной слишком долго: когда она медленно распахнулась, сквозь огонь донесся запах тлена и вековой пыли.

Кевин вдохнул этот воздух, и на его губах появилась едва заметная, прохладная усмешка...

В то время как он в одиночку открывал гробницу, у костра перед пещерой царил полный хаос.

Освальд проснулся от тревожного шепота часовых. В мгновение, когда он открыл глаза, его сердце тревожно екнуло. То ли сработала интуиция, то ли еще что, но он почти инстинктивно бросил взгляд на то место, где должен был лежать Кевин.

Пусто!

Едва это слово промелькнуло в его мыслях, тело среагировало быстрее разума. Он мгновенно вскочил на ноги и без лишних слов бросился к извилистой тропе. Следом за ним, нарушая тишину нестройным топотом, поспешили воины Железной кавалерии Уцзинь.

Освальд был высоким и длинноногим, так что угнаться за его широким шагом остальным стоило немалых трудов. Еще не добравшись до поворота, он заметил колеблющееся багровое зарево.

Пожар!

Освальд помрачнел и одним махом очутился за поворотом.

Открывшаяся картина наверняка врезалась ему в память на всю жизнь.

Он увидел бескрайнее бушующее море огня. Воюющая нежить прорывалась наружу прямо из-под земли, волны жара накатывали одна за другой, а кроваво-красный свет заливал небосвод.

Кевин, стоящий среди ревущего пламени, словно почувствовал его присутствие и бросил на него быстрый взгляд. Затем он небрежно махнул рукой, повернулся и шагнул в самую гущу огня, бесследно исчезнув...

— Ты!.. — от хлынувшего в лицо жара мысли Освальда на мгновение спутались.

Вид Кевина, машущего ему рукой из самого пекла, поверг его в оцепенение. Но следом за этим мгновенно поднялась волна ярости, куда более сокрушительной, чем бушующий пожар. Когда гнев достигает такого предела, рассудок отключается — Освальд не мог вымолвить ни слова.

Когда Кевин отвернулся и исчез, Освальд безотчетно рванулся вперед, пытаясь схватить его.

— Ваше Величество! — подбежавшие воины Железной кавалерии Уцзинь в суматохе даже не успели разглядеть Кевина. Они заметили лишь растаявший призрак чужого силуэта и своего Императора, который в безудержном гневе едва не прыгнул в костер.

Те, кто бежал первыми, навалились на Освальда, пытаясь оттащить его назад, подальше от ревущих языков пламени. Но, схватив его, они в ужасе осознали: молодой Император вовсе не «едва не прыгнул» — он уже опустил руку прямо в огонь.

— О боги! Скорее! — закричал кто-то. — Рука! Ваше Величество, ваша рука!

Лишившись рассудка от ярости, человек обретает невероятную силу, и Освальд сейчас пребывал именно в таком состоянии. Он даже не соображал, кто его держит и куда тащит. Багровое пламя затмило его взор и затуманило разум.

Большинство гвардейцев Железной кавалерии Уцзинь знали, что Император превосходно владеет оружием как в ближнем, так и в дальнем бою, а его кулаки тверды словно сталь. Однако никто из них не догадывался, что в моменты ярости его сила становится поистине чудовищной.

Лишь ввосьмером они сумели удержать его, причем стоявшего ближе всех едва не отбросило в самую гущу пожара.

Освальд покачнулся и отступил на несколько шагов от бушующего огня. Гомон и крики вокруг наконец пробились сквозь пелену гнева и донеслись до его слуха.

— Где лекарь?! Зовите лекаря! Ваше Величество, ваша рука! Нужно немедленно... А? — кричавший воин осекся на полуслове. Его голос сменился растерянным шепотом: — Но я же... я же своими глазами видел, как вы опустили руку в огонь. Как... как она осталась цела?

Светлые глаза Освальда налились кровью от бешенства и тревоги. Осознание услышанного далось ему не сразу; наконец он опустил взгляд на свою ладонь.

На коже не было даже копоты, не говоря уже о следах ожогов.

Но ведь он совершенно точно коснулся пламени — в этом никто не мог сомневаться, и меньше всего он сам.

Тяжело дыша, Освальд не мигая смотрел на свою правую ладонь. Рассудок постепенно возвращался к нему, а kloкочущая ярость немного утихла.

С мрачным лицом он высвободил руку из хватки гвардейцев Железной кавалерии Уцзинь и сделал два размашистых шага вперед.

— Ваше Величество! — люди позади снова попытались его удержать, но он остановил их властным жестом.

Гнев немного улегся, но он все еще был не в состоянии говорить.

Жар, казавшийся пугающе осязаемым, вновь обдал его лицо. Хмурясь и тяжело дыша, Император без колебаний опустил руку по самый локоть прямо в ревущее пламя.

Толпа за его спиной испуганно ахнула.

Освальд подержал руку в огне несколько секунд и лишь затем неторопливо вытянул ее обратно. Оглядев неповрежденную кожу, он поднял руку, демонстрируя ее воинам, и глухо произнес:

— Огонь фальшивый.

Это пламя не могло причинить вреда, пусть даже выглядело пугающе натурально и обжигало волнами жара.

Практически без колебаний Освальд шагнул прямо в огненное море. Он некоторое время бродил среди багровых языков пламени, но так и не нащупал ничего, что напоминало бы проход.

Словно подтверждая догадку Императора, бушующий пожар, столь же внезапно начавшийся, начал утихать. Языки пламени присели и мгновенно растаяли в воздухе. Когда огонь полностью отступил, высокая стена терновника осталась стоять нетронутой: ветви по-прежнему тянулись к небу, а переплетенные лозы красовались густой листвой. Ни единого листика не обгорело — казалось, буйство стихии привиделось людям в коллективном безумии.

Единственным напоминанием о случившемся остался приглушенный вой, то отдалявшийся, то

приближавшийся, от которого по спине пробегал ледяной душу холод.

Окруженный мрачной аурой, Освальд окинул взглядом стену терновника. Никаких следов прохода не было и в помине, не говоря уже о самом Кевине. Напряжение в глазах Императора спало, но его взгляд оставался настолько ледяным, что никто из воинов не смел ни заговорить с ним, ни сделать шаг навстречу.

Немного помолчав, он со всей силы пнул бронзовую стелу.

Раздался глухой удар.

Вывороченная из земли бронзовая стела отлетела в сторону, с грохотом врезалась в стену терновника и покатила обратно на землю, оставшись лежать криво.

Гвардейцы испуганно втянули головы в плечи, боясь издать хоть звук.

<http://bllate.org/book/18285/1753214>